

— Какое сегодня число?

—... августа 2XXX года.

— Сколько вам лет?

— Семнадцать.

— Вы помните, как потеряли сознание?

— Я шел забирать уведомление о зачислении... Меня кто-то остановил, а потом... потом...

— Всё хорошо. Если не помните, не заставляйте себя. Расслабьтесь и попробуйте поспать...

Чу Цинюнь полулежал на больничной койке, молча наблюдая за тем, как двое чиновников в строгих костюмах прижимают гербовую печать к документам. Только теперь до него начало постепенно доходить: он действительно очутился в будущем, перескочив сразу на четыре года вперед.

В конце концов, за все его семнадцать лет жизни он ни разу не слышал, чтобы заявление в загс принимали на дому. Вернее, прямо у постели больного.

Один из клерков, быстро проведя пальцем по экрану телефона, с вежливой дежурной улыбкой протянул две заветные красные книжечки Чу Цинюню и мужчине, что сидел на краю кровати.

— Поздравляю. Проверка пройдена, ваши документы готовы.

Чиновник бросил на лежащего юношу сочувствующий взгляд.

Черты лица у того были безупречными. Особенно выделялись редкие, невероятно красивые «персиковые» глаза с чуть красноватыми веками. В их влажной, подернутой дымкой глубине сквозило детское любопытство — чистое и трогательное. Вот только парень был пугающе, истощенно худ. Голова его была забинтована, а меж бровей залегла глубокая складка затаенной печали, совершенно не вязавшаяся с его юным обликом. Он казался чистейшим белым шелком, на который случайно брызнули тушью, и этот скорбный излом так и подмигивало разгладить пальцами.

Разве мог человек с такой благородной аурой оказаться тем, кем его выставляли в сети — завистливым выскочкой-богачом, укравшим чужую мечту с помощью денег и связей?

Вспомнив, какую круглую сумму этот мужчина выложил за срочную выездную регистрацию брака, клерк невольно задумался: уж не скрывается ли за этим какая-то грязная семейная тайна?

Впрочем, ответ нашелся быстро.

Высокий, статный красавец, все это время дежуривший у постели, поднялся и с благодарностью произнес:

— Спасибо вам огромное, что согласились приехать так быстро. Родные родители Сяо Цзюня вот-вот насильно заставили бы его вступить в брак с другим человеком. У нас просто не оставалось выбора, пришлось действовать без промедления.

С этими словами он ласково посмотрел на Чу Цинюня.

Чу Цинюнь приподнял голову и ответил ему улыбкой. Встретившись взглядами, они замерли — любой случайный свидетель залюбовался бы этой парой, решив, что они созданы друг для друга самой судьбой.

Вот только на самом деле они не знали друг друга и суток.

Еще вчера в памяти Чу Цинюня жил лишь семнадцатилетний подросток, только что получивший заветное письмо из Академии кинематографии. Он как раз ответил твердым отказом на предложение семьи Чжоу признать его родство, как вдруг потерял сознание. Очнулся он уже здесь, на больничной койке, где его огорошили новостью: на дворе будущее, прошло четыре года, а сам он упал, сильно ударился головой и лишился памяти.

Все его поступки за эти потерянные четыре года не поддавались никакой логике. Судя по перепискам в телефоне и путаным объяснениям окружающих, его приемная мать бесследно исчезла сразу после того, как он сдал выпускные экзамены. Спустя положенные четыре года ее официально признали погибшей.

Сам же он в итоге вернулся в лоно богатого семейства Чжоу как их когда-то потерянный младший сын. Сейчас ему исполнился двадцать один год, он только-только окончил Академию кинематографии. Из-за тяжелого психического расстройства парень довел себя до ужасающей худобы. Стоило ему впервые появиться на экранах, как на него обрушились обвинения в кумовстве: якобы он нагло отобрал чужой шанс, протолкнувшись вперед за счет денег. Теперь его люто ненавидел весь интернет — классический пример изгоя под прицелом всеобщей травли.

Чу Цинюнь пребывал в глубоком замешательстве.

"Неужели всю эту беспросветную кашу заварил я сам?"

Пока он тонул в сомнениях, этот странный незнакомец, выставив из палаты врачей, огорошил его новой правдой. Он заявил, что их мир — всего лишь роман о подмененных наследниках богатого семейства. Сам Цинюнь — настоящий сын влиятельного клана Чжоу из города S, главный герой этой истории и истинное дитя судьбы, наделенное мощным запасом удачи.

А пробел в четыре года — никакая не амнезия. Просто его телом завладел чужак, переселенец в книгу, оказавшийся полным ничтожеством. Этот самозванец позволил фальшивому наследнику, Чжоу Чи, крутить собой как угодно. Чжоу Чи за это время успел стать новой суперзвездой шоу-бизнеса, купающейся в любви названных родителей, старшего брата, друзей и преданных фанатов. Настоящий же сын остался у разбитого корыта: презираемый кровной родней, лишенный будущего в карьере, которая даже толком не успела начаться.

— Хочешь сказать, все эти идиотские глупости натворил не я, а какой-то пришелец?

— Именно так, хозяин. Подумайте сами, — мужчина, назвавшийся Системой Переселения, осторожно коснулся пальцами его щеки, смахивая непрошеную слезу, и вкрадчиво продолжил: — Будь вы в своем уме, разве согласились бы вернуться к этим Чжоу?

Чу Цинюнь бросил на него настороженный взгляд и едва заметно покачал головой.

Он не претендовал на нимб святого, но семья Чжоу сразу вызвала у него стойкое отторжение. Еще вчера... то есть четыре года назад, он без колебаний указал им на дверь.

Собеседник тут же подхватил мысль:

— Вот именно! Ваша приемная мать бесследно пропала во время поездки. Разве вы могли бросить ее поиски? Исчезновение — еще не смерть. Стали бы вы лично требовать признания ее погибшей ровно в тот день, когда истекли четыре года?

— Никогда, — процедил Чу Цинюнь. Он прижал ладонь к груди, пытаясь унять внезапно вспыхнувшую тупую боль, и стиснул зубы.

Мама, которая еще вчера была жива и полна сил, теперь официально мертва. Ему следовало бы разрыдаться, закричать от горя, но истощенный организм просто не находил ресурсов для столь бурной вспышки. В груди зияла ледяная пустота, сковывавшая тело глухим бессилием.

В подсознании бился чужой удушливый шепот:

"Мамы больше нет. Зачем тогда жить?.."

— Вот-вот! Вы — центр этого мира, избранник судьбы! С вашим талантом вас никогда бы не растоптала такая мелкая сошка, как Чжоу Чи! Если бы не этот никчемный переселенец, вы бы давно сидели на вершине Олимпа!

Внезапный патетический возглас выдернул Чу Цинюня из подступающей апатии. Незнакомец так картинно негодовал, что эта преувеличенная, почти карикатурная экспрессия совершенно не вязалась с его мужественным, благородным лицом. От него веяло фальшью.

Чу Цинюнь проигнорировал этот пафос. Он молча перебирал пальцами листы семейной домово́й книги, где теперь сиротливо значилось лишь его собственное имя. Ногти больно впились в ладонь.

— Сейчас вы полностью под колпаком у Чжоу. Только став сильнее и вернув свое законное влияние, вы сможете выследить и наказать этого проходимца. Тогда вы сполна оплатите всем своим врагам!

Голос Системы так и лучился сладким соблазном. Он напоминал не холодный искусственный интеллект, а змея-искусителя, который бережно подбрасывает сухие ветви в разгорающийся костер чужой ярости.

— Ты чего так близко подобрался? — Чу Цинюнь ладонью отпихнул лицо мужчины, собиравшегося уткнуться ему в плечо, и недовольно поморщился: — Говори нормально.

Мужчина тут же отпрянул, виновато потер раскрасневшиеся щеки и состроил обиженную мину:

— Хозяин, я ведь чистую правду говорю! Поверьте мне хоть раз. Я знаю до мельчайших деталей весь сюжет этой книги. В качестве компенсации за моральный ущерб Система Главного Бога выделила мне это тело — безумно богатое и очень полезное!

— А если я откажусь сотрудничать?

— Тогда... тогда мне останется только преданно охранять вас из тени. Я ведь явился в этот мир исключительно ради вас. И если мне не суждено помочь вам вернуть статус главного героя, у меня здесь просто не будет цели в жизни.

Звучало жалостливо, но на деле отдавало чистейшим упрямым шантажом.

Чу Цинюнь поднял глаза и встретился с его взглядом — тот изо всей сил таращился на него, пытаясь изобразить предельную искренность.

— Сами понимаете, ситуация безвыходная, — сокрушался тем временем Си Тун, общаясь с клерками. — Мы боялись, что семья Чжоу пойдет на крайние меры и применит силу, поэтому Сяо Цзюнь последнее время даже документы носил исключительно при себе... И еще один нюанс. Сяо Цзюнь все-таки публичный человек, так что новость о нашем браке...

— Не беспокойтесь, господин Си. Конфиденциальность личных данных граждан гарантируется законом.

Вчерашний «наивный дурачок» сегодня вел себя как умудренный опытом, солидный мужчина, вежливо поддерживая светский разговор. Чу Цинюнь слушал их скучную беседу, лениво вертя в руках свидетельство о браке. Его взгляд упал на графу с именем супруга.

Си Тун.

Если произнести быстро, звучит один в один как «Система».

Цинюнь по-прежнему не доверял ему до конца, но... вряд ли кто-то стал бы менять паспортное имя на созвучное компьютерной программе ради того, чтобы развести на деньги нищего сироту. К тому же этот парень действительно ворочал миллионами. На его фоне скромные сбережения самого Цинюня в несколько десятков тысяч юаней выглядели сущим издевательством над понятием «золотая молодежь».

Привыкнув к мысли о случившемся, Чу Цинюнь за одну ночь досконально изучил все содержимое смартфона своего предшественника.

История покупок подтверждала, что гаджет сменили ровно четыре года назад. Нашлись и косвенные зацепки, подтверждающие рассказ Си Туна. Судя по архивам чатов, когда разгорелся публичный скандал, так называемые новообетенные родители даже не подумали помочь родному сыну восстановить репутацию. Вместо этого они просто поставили его перед фактом: хватит путаться под ногами у их любимца Чжоу Чи и позорить фамилию в шоу-бизнесе. Пора, мол, принести пользу семье и пойти под венец с тем, кого они выберут для выгодного союза.

Супруги Чжоу, прекрасно понимая, что парень встанет на дыбы, держали имя жениха в тайне, но заранее пригрозили: «Заставим жениться, хочешь ты того или нет». Перепуганный переселенец после этого не выпускал из рук паспорт и домовую книгу, панически боясь, что его женят без его ведома.

"Какая глупость", — поморщился Чу Цинюнь.

Если влиятельный клан Чжоу решит продать его подороже или уложить в чужую постель, бумажка в кармане никого не остановит. Единственный выход — сделать так, чтобы та сторона сама отказалась от сделки. А пока над ним постоянно висел дамоклов меч принудительного брака.

Система тоже не знала всех деталей:

— В оригинале упоминалось лишь то, что этот тип — никчемный повеса, на которого семья

давно махнула рукой. Он погряз в грязных скандалах, но из-за слепой любви влиятельных тетюшек и бабушек старейшины клана решили подыскать ему покладистую пассию из приличного общества, чтобы держать на коротком поводке.

Опасаясь ловушки, бывший хозяин тела успел собрать досье на нескольких подходящих под описание богатеньких сынков. Листая эти записи, Чу Цинюнь быстро вычислил нужного кандидата по заголовкам желтой прессы: беспорядочные связи со всеми полами, запредельная спесь и куча таких же аморальных подпевал в сети, слетавшихся на его щедрые подачки.

К чувству глубокого омерзения примешивалась глухая злость на семью Чжоу и на тупость переселенца. Если уж такой недотепа почуял неладное, значит, дело принимало действительно скверный оборот.

Цинюнь поднял взгляд на крутившегося рядом Си Туна, который все еще тщетно пытался доказать свою полезность.

— У тебя документы с собой? Давай поженимся.

В тот миг Си Тун, застыв с поднятой рукой, вытаращился на него, напоминая глупую каменную статую.

Вернувшись мыслями в реальность, Чу Цинюнь обнаружил, что за время его недолгой задумчивости Си Тун успел сотворить настоящий шедевр. Он вдохновенно поведал сотрудникам ведомства слезливую драму о двух любящих сердцах, чьему счастью мешают деспотичные родственники. История о том, как юноша, едва очнувшись от тяжелого сотрясения мозга, бросился связывать себя узами брака с любимым, вышла настолько трогательной, что клерки едва не пустили слезу.

Растроганные чиновники смотрели на молодоженов с искренней теплотой.

— Господин Си, господин Чу, ваши данные уже внесены в единый реестр. Расторгнуть этот союз без вашего личного присутствия никто не сможет. Поздравляем вас и желаем долгих лет счастья.

В лучах полуденного солнца, падавших на кровать, бледная кожа Чу Цинюня казалась почти прозрачной. Он мягко откинулся на подушки. Искреннее поздравление явно пришлось ему по душе: напряжение, искажавшее его лицо, наконец отступило. Легкая, едва заметная полуулыбка преобразила его, словно на мгновение разогнав больничный полумрак.

— Благодарю вас.

— Голова не кружится? Столько времени сидишь...

Мужчина спохватился, сообразив, что чересчур затянул прощание с гостями. Он заботливо потянулся к юноше, но в последний момент робко замер, не решаясь прикоснуться. Его неловкие, забавные пассы руками отлично дополняли образ безумно влюбленного, ошалевшего от неожиданного счастья парня.

Более сентиментальный клерк тихо прыснул в кулак, а Чу Цинюнь лишь слегка приподнял бровь.

Надо признать, технологии Главного Бога превзошли все ожидания. Искусственный интеллект не просто блестяще справлялся с ролью, но и виртуозно импровизировал на ходу.

Поймав на себе выжидающие взгляды присутствующих, Си Тун смешно замялся:

— М-может... может, опустить изголовье? Чтобы тебе удобнее было лежать?

— Не нужно.

Хотя Цинюнь так и не успел толком поучиться актерскому мастерству, интуитивное понимание сцены сидело глубоко в его крови. Он ласково коснулся зависшей в воздухе руки новоиспеченного супруга, мягко, согревая образ капризного, но нежно любимого спутника жизни:

— Проводи лучше наших гостей.

— А, да, конечно!

Словно преданный пес, получивший долгожданную команду, Си Тун мигом растерял всю нерешительность и с готовностью шагнул к двери, выпроваживая чиновников.

— Это еще кто такие?

Дверь палаты резко распахнулась, и на пороге в сопровождении лечащего врача появилась холеная дама в дорогом брендовом плаще, усыпанная изысканными драгоценностями. Она преградила путь уходящим.

Чу Цинюнь мгновенно узнал ее. Госпожа Чжоу. Его биологическая мать, которую до этого момента он видел лишь на экранах телевизоров и страницах светской хроники.

Собственный сын лежал на больничной койке с перебинтованной головой, но ее лицо не

выразило ни капли сочувствия. Вместо этого она брезгливо наморщила нос и высокомерно уставилась на незнакомцев.

Си Тун растерянно моргнул и оглянулся на супруга.

Юноша небрежно махнул рукой, давая понять, что разговор окончен. Си Тун, повинуясь жесту, просто обогнул застывшую госпожу Чжоу и вывел клерков в коридор, даже не удостоив высокомерную даму взглядом.

Капризная хозяйка дома Чжоу никогда раньше не сталкивалась с подобным пренебрежением. Ее идеальные манеры тут же дали трещину. Она шумно выдохнула сквозь зубы и, едва сдерживая ярость, процедила:

— Чу Цинюнь! Неужели тебе мало нашего внимания, что ты устраиваешь этот дешевый цирк? Опозорился на шоу, не сумев превзойти Сяо Чи, и теперь выдумал новую уловку? Решил поиграть в амнезию? Думаешь, кто-то поверит в эту чушь?

<http://bllate.org/book/20480/2105866>